

Ольфакторные знаки переводного произведения (на материале переводов с корейского и китайского языков)

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2008

Запахи буквально пронизывают все стороны нашей жизни. Мы ощущаем *запахи* людей, книг, города, *запахи* представляют собой важнейший элемент социальных отношений. Они воздействуют на нас как на физическом, психологическом, так и социальном уровнях, но в большинстве случаев мы вдыхаем окружающие *ароматы*, не осознавая в полной мере их значения в нашей жизни, хотя эта «сигнальная система, основанная на ольфакторной информации, устанавливает иерархию предметов, животных и людей в пространстве, занимаемом данной группой, и одновременно определяет ее положение на оси времен года» [Люсьенн А. Рубен 2003: 168].

Запахам исследователи уделяли мало внимания как с географической, так и с культурологической точек зрения. Между тем это «важнейший элемент, который структурирует наше восприятие мира и окружающего пространства, нашу собственную идентичность» [Жирицкая 2003: 641]. По мнению Класена, *запах* – «феномен культурный» [Класен и др. 2003, Т.1: 45]. Каждая эпоха, каждая страна, каждая культура обладают своими особыми *запахами*. *Запахи* обозначают культурную целостность пространства, свидетельствуют об особенностях населяющих его жителей, их наиболее устойчивых занятиях, возмещают праздничные торжества и т. п. Оценка *запаха* – плод не только созданных собственным опытом свободных ассоциаций, но и определенной культуры. По мнению Е. Жирицкой, эмоциональная оценка *запаха* целиком зависит от традиции, воспитания, момента и контекста. Если среда обитания, образ жизни создают реальную обонятельную ауру человеческой судьбы, то культура определяет, какие *запахи* будут значимыми, а к каким быстро «принюхаются», перестав их замечать; от нее зависит, что будет считаться «ароматом», а что «зловонием» [Жирицкая 2003: 644; 267]. О.Б. Вайнштейн также считает, что на восприятие *запахов* влияет множество культурных параметров. Она называет ранние обонятельные впечатления, кулинарные традиции, гигиенические установки, проживание в крупном городе, степень терпимости по отношению к другим – представителям иной расы и др. [Вайнштейн 2003, Т.1: 8].

Русский и кореец, например, по-иному воспринимают один и тот же *запах* (соленый моллюск-чотткаль или соленая рыба хвансэгги *пахнут* для русского почти экскрементально, в корейской же ольфакторной

традиции эти *запахи* связаны с блюдами корейской традиционной кухни и воспринимаются как «вкусные» (корейск. мащинын нэмсэ).

Целью данной статьи является описание некоторых ольфакторных знаков, которые встречаются в переводах с корейского и китайского языков.

Запах женщины

Аромат – неперенный элемент при описании красавиц. Ни один китаец не мог вообразить себе прекрасной женщины без полного набора декоративных атрибутов, введивших ее в поле церемонно-вежливых отношений: помады на губах, пудры и румян на лице, украшений, *аромата* благовоний (см. [Малявин 2000: 544]), так как «*ароматные флюиды* противоположного пола без помех воздействуют на воображение, выявляют симпатию, разжигают кровь». Тонкий *аромат*, окутывавший представительниц прекрасного пола, создавал вокруг них особое пространство, свидетельствовавшее о принадлежности их к избранному кругу:

«... красивая дева непременно должна источать тончайший *аромат*...» (Ли Юй 1995: 502); «Дева *душиста*, нежна...» [«Китайская...» 1984: 233].

В дальневосточной литературе шлейфы приятных *запахов* извещают о приходе красавицы, сопровождают ее во время танца:

«Как только она появилась в зале, в воздухе разнесся дивный *аромат*» («Цветы сливы...» Т.1, 1998: 339); «Слива была там <...> ощутив новый прилив сил, взмахнула рукавами и начала порхать по площадке, как Быстрокрылая ласточка Чжао... От ее танца поднялся ветерок, раскачивавший ветви ив, и благоуханный *аромат* наполнил воздух» [«Сон...» 1982: 689].

Зачастую это *аромат* мускуса и орхидей:

«Они еще вели разговор, как вдруг раздался мелодичный звон украшений, повеяло нежным *ароматом* мускуса и орхидей, и появилась красавица...» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 91].

Аромат духов и косметики становится частью личного пространства женщины, регулярное их использование свидетельствует о ее материальном благополучии: «... *пахнувшая* чудными духами, она была приветлива, мила и хороша ...» [«Хрестоматия...» 2004: 94].

Для ароматизации в воду добавляли лепестки орхидей:

«Служанка принесла таз, полный воды с благоуханными лепестками орхидей» [Би Сяошен 1992: 114].

Сосновые и кипарисовые иглы, некоторые виды трав, чай и корица также являлись *ароматизаторами*. Их вшивали в пояс или клали в рукава: «В мешочке лежали сосновые иглы и иглы кипариса, а также бутоны роз и *пахучие южные травы из Вьетнама* – знак нежности и люб-

ви» [«Цветы сливы» Т.1, 1998: 280]; «... она <...> в рукава прятала мешочки с ароматным чаем и корицей» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 258].

Случалось, что *благовония* готовили сами. В литературе можно встретить перечень ингредиентов для этого:

«Может быть, ты думаешь, что какой-нибудь архат или праведник подарил мне чудесное *благовоние*? – с язвительной усмешкой заметила Дай-юй. – Но даже если б я достала чудесное *благовоние*, все равно у меня нет родных братьев, которые добыли бы мне бутоны цветов, росу, иней и снег, чтобы его приготовить. Я располагаю лишь самыми обычными *благовониями*!» [«Хрестоматия...» 2004: 571-572].

В литературе описывается распорядок дня красавиц из высшего общества того времени, где важное место отводится «вращиванию» *аромата*. Утром: «Красотка вынуждена спать до полудня, дабы хорошо выглядет. Затем, после того как ее вымоют и вытрут, она распускает волосы каскадом манящих ив, красит брови в стиле далеких утренних гор, поливает себя *ароматами* «девяти изгибов горного потока», накладывает румяна, тушь, тени для век, горы пудры, влезает в расшитый цветами сливы халат, юбку, чулки, надевает четыре и пять цзиней украшений, долго смотрится в зеркало, пока не убедится, что ее лицо представляет собой застывшую маску, затем прыскается *благовониями* “небесные духи дождя” и крошечными шажками входит в новый день, который, как и все предыдущие, состоит из сплетен и пустой болтовни» [Бай Кайго 2002: 121]. Днем: «Вернувшись в комнаты, она начала тщательно причесываться, наряжаться, умять себя *благовониями*. Обычно летом она купалась после обеда, но сегодня из-за неожиданного визита не успела это сделать – лишь обтерлась цветочной росой, напудрилась. Позволила служанкам воткнуть себе в волосы магнолию и стала ждать...» [Семанов 2000: 50]. Вечером: «... служанки отвели ее в спальню, раздели и, согласно обычаю, снова умастили *благовониями*» [Там же].

В художественной литературе Кореи и Китая при описании внешне-го вида молодой дальневосточной красавицы используются образные сравнения. *Аромат* является тем эталоном, которому должна соответствовать истинная восточная красавица:

«Девушка была прелестна... будто тончайший *аромат*, обретший плоть...» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 150].

Прекрасные представительницы слабого пола отождествляются с различными растительными образами, у которых, как известно, в качестве одной из основных характеристик выступает *запах*. Эти образы могут обозначать как родовое понятие (цветок): «Она напоминает *ароматный цветок*, который заранее скорбит о своем увядании. Как и предыдущую деву, ее можно считать первой красавицей Поднебесной или цветком, который превосходит своим *ароматом* все другие цветы» [Ли

Юй 1995: 75], так и видовое (орхидея): «Сперва ему думалось о благоуханных, орхидеям подобных подружках...» [Би Сяошен 1992: 71].

Образ *ароматной травы* неизменно присутствует в образных сравнениях. С *ароматной целебной травой* ассоциируется невинная молодая женщина, незаслуженно страдающая:

«С преданной женой-красавицей // за то, что она свято хранила верность, обошлись так жестоко!.. *Словно ароматную целебную траву, // отбросили вместе с сорняками*» [«Сказание о Чхуньян» 2003: 119].

Душистая груша выступает в качестве эталона красоты, так как в системе дальневосточных культурных координат фрукты и овощи – предмет эстетики:

«Эта дева в горах – как *душистая груша* она...» [«Хрестоматия...» 2004: 76].

У красавиц *благоухают* все части тела:

- ГОЛОВА: «Я желал бы быть в платье твоём и служить тебе воротничком, чтоб принять на себя неизбывный твой *запах* чудесный, идущий от ярко красивой головки» [«Классическая проза...» 2002: 154];

- ВОЛОСЫ: «Из-под накладки *ароматным облаком* вздымаются волосы, стянутые в узел» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 44].

В Корее и Китае в пору цветения сливовых деревьев, рододендронов и хризантем дамы дополняли цветами свои прически: «Будто вчера только втыкала я цветы сливы в свою причёску в башне Инсянгэ и слала стихи в павильоне Лунцуйтан и вот уже вдруг скитаюсь где-то на краю света» [«Записки...» 1985: 146]; «Она рвет рододендроны, закалывает их в причёску» [«Верная Чхун Хян» 1960: 39]; «Хочу украсить причёску <...> хризантемами» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 257];

- ЩЕКИ: «Не мог я к *щекам ароматным* прильнуть» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 289]. Образ *ароматного персика* – эталон красоты женских щек: «Затем она появилась, но в совершенно ином облике. Это уже была не красавица певичка, а святая инокиня. Ее густые черные, словно туча, волосы были коротко острижены, на алых щечках, источающих *аромат персика*, появилось несколько глубоких надрезов ножом. Было ясно, что к прежней жизни она никогда не вернется» [Ли Юй 1995: 339]. В Китае лицо густо покрывалось белилами, на которые наносились румяна: «... на лотосы пал // румян *аромат*» [«Китайская...» 1984: 222];

- ГУБЫ, рот: «сандаловый рот» [Кравцова 2004: 95] красавиц «*пахнет гвоздикой*» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 230], «*благоухают* губы-вишни», «помада на устах также *благоухает*» («Цветы сливы...» Т.1, 1998: 44; 234), «из уст отверстых тонкий *аромат*» [Ли Юй 1995: 46], «... *благоуханье* мускуса и орхидей» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 45], «если хохочет – *ароматом* жасмина веет слегка» [Би Сяошен 1992: 10].

В Китае существовали различные средства для гигиены полости рта: особые, круглые по форме лепешки из чайного листа и *ароматических*

веществ, иногда с добавлением *душистой маслины* или *корицы*. После еды и перед сном такой лепешкой освежали рот (см. [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 364; 374]. Это нашло отражение в литературе:

«Симынь достал из рукава серебряную с позолотой коробочку, в которой лежал особый *ароматный чай с душистой маслиной*, положил плиточку себе на язык и отправил ее прямо в рот Цзинь-лянь»; «... уста атели и *благоухали душистым чаем и корицей...*» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 66; 355].

В качестве *ароматического вещества* использовался и плод линджи, который, по мнению Ли Юя, «цветом своим необыкновенно красив и обладает редкостным *ароматом*. Это плод способен «вращивать *аромат*». Стоит некой деве перед сном отведать сей плод, как она тут же чувствует, что неприятный привкус во рту словно исчез и, наоборот, возникает сладковатый привкус...» [Ли Юй 1995: 502].

- ГРУДЬ: «*Благоуханные от пота и пудры*, // колышутся над цитрой небрежно. // Теплые, белые и, как феникса жир, нежные» [Би Сяошен 1992: 11].

- РУКИ: «Ваши руки *ароматны*, как имбирь...» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 306].

- ТЕЛА КРАСАВИЦ *благоухают*: «На студента *пахнуло ароматом* свежих девичьих тел. Это было похоже, как если бы вы, читатель, вдруг ощутили *благоухание* весенних орхидей» [Би Сяошен 1992: 83]. *Аромат* весенних орхидей связывается в дальневосточной литературе с эротикой.

Куртизанок при китайском дворе кормили едой, в которую добавляли мускус. Считалось, что тогда во время любовных игр их разгоряченные тела покроются каплями чистого парфюма (см. [Жирицкая 2003: 488]).

- *аромат* КОЖИ красавицы – своего рода «визитная карточка» женщины, отличительный признак, иногда настолько удивительный, что не похож «на запах *ароматных лепешек, благовонных шариков и мускусных мешочков*», «вызывает опьянение и истому» [«Хрестоматия...» 2004: 571-572]: «Проходя в тот раз мимо него, она оставила *аромат*, несколько не похожий на *запахи*, которые обычно исходят от женской одежды или тела девы» [Ли Юй 1995: 137]; «Чудный *запах* донесся до его носа в день их первой встречи. – До чего приятный *запах*! Какими духами ты окропляешь свое платье? – С чего ты взял? Я не пользуюсь ни духами, ни *благовониями*! – В день первой нашей встречи я почувствовал тот же *аромат*... Ты в тот миг как раз проходила мимо меня... Но если ты не пользуешься духами, откуда этот *запах*? – Наверное, он исходит от моей кожи» [Там же: 147].

- СТАН: «Стан ее был как *ароматная орхидея*, орошенная ночной росой...» [«Гуляка и волшебник» 1970: 287].

Запахи секрета, как правило, негативно оцениваются в большинстве культур. В некотором роде шокирующим для представителей европейской культуры является обожествление некоторых продуктов выделительной деятельности человека, например, пота: «Девушки устроились на беспредельной кровати и были раскованы: кто лежал и отдыхал, кто вытирал простыней *ароматный пот*, *запах* румян, пудры, притираний веял в воздухе...» [Би Сяошен 1992: 168] или женских секреторных выделений половых органов таза: «Вот уже Чжэньнян излила *душистую влагу естества*, *аромат* которой поплыл над простынями» [Би Сяошен 1992: 84].

«Гротом, где вечная весна и дивное *благоуханье ароматов*» в Китае называют женское потайное место [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 98].

Невидимая часть человеческого тела – сердце также считается *благоуханным* или *благовонным*. Это утверждение может вызвать недоумение, русскоязычному читателю может быть не совсем понятно, что легло в основу подобного утверждения: красота душевных качеств женщины или что-либо другое.

«По истечении нескольких месяцев она получила известие о его гибели в песках пустыни. Как печалилось ее *благоуханное сердце!*» [Би Сяошен 1992: 162]; «*Благовонное сердце* выдохлось, как весна» [«Хрестоматия...» 2004: 307].

Душа, духовная сущность человека, особое начало, также *ароматна*:

«Молодому человеку и в голову не могло прийти, что его письмо произведет столь сильное впечатление. От изумления девушка приоткрыла свой ротик, чуть высунула язычок, однако не вымолвила ни слова. «Как говорится: “*Ароматная душа* улетела к Бирюзовой реке”. Справившись наконец с волнением, она проговорила...» [Ли Юй 1995: 313].

Героини дальневосточных произведений носят «*душистые*» имена. Одной их составных частей некоторых корейских женских имен является слово *хян* (русск. *аромат*):

«*Аромат изумрудный*» – Чхихян!.. // «*Благоухание* парчи» – Кымхян!.. // «*Аромат* орхидеи» – Нанхян!.. // «*Благоуханье* луны» – Волхян!» [«Корейские повести» 1954: 118]; «Как тебя зовут? – Мэ Хян... – Мэ Хян, говоришь, “*Сливовый аромат*”?» [«Золотая...» 1994: 31].

Иногда в тексте литературного произведения содержатся разъяснения по поводу выбора данного имени для девочки, которые вкладываются в уста героев:

«Цветы персика *благоухают* весной, поэтому девочку назвали Чхунхян – «*Благоухание* весны» [«Корейские повести» 1954: 76].

В Китае при обращении к любимой использовали эпитет *благоуханная*:

«Благоуханная моя! О каком деле ты говоришь?» [Би Сяошен 1992: 71].

Одежда, обувь

Известно, что дальневосточные женщины подолгу сидели возле курильницы, чтобы пропитать свою одежду *запахом* дорогих *благовоний* (см. об этом [Малявин 2003: 378; 2000: 545]:

«Ян Со Ю подъехал к беседке. Белые лошади в серебряной сбруе загродили дорогу, шумели погонщики и слуги; заглянул на верхний ярус – между небом и землей звучала музыка, на десять ли вокруг распространялся *аромат*, исходящий от шелковых одежд» [Ким Ман Чжун 1961: 70].

Сучжоуские дамы делали подошвы из специального *ароматического материала* и украшали туфли шелковой лентой. Некоторые женщины украшали их тонким изящным рисунком и даже прикрепляли сверху особый мешочек с мускусом, отчего с каждым шагом они источали *аромат*, который распространялся вокруг (см. об этом [Ли Юй 1995: 530]).

У красавиц *благоухают* украшения и аксессуары:

«Дорогие шелковые одежды слепили глаза людям, в нос ударял *запах* украшений, сделанных из *ароматных веществ*» [«Записки...» 1985: 155]; «Яшмовая шпилька...тончайший струит *аромат*...» [«Хрестоматия...» 2004: 632].

Человеческие эмоции, чувства и отношения

Мир чувств героев дальневосточной литературы связан с природными *запахами*. Традиционно на Дальнем Востоке *ароматы* одних растений оживляют чувства, *ароматы* других связываются с горестями, третьих – с болью от безответной любви. Обычно весной душа человека дает волю чувствам. *Ароматы* весны делают людей добрее: «*Благоухает* весна, стоят теплые дни, яркие цветы и нежные ивы умиротворяют сердца людей» [Ким Ман Чжун 1961: 304]; вызывают чувства восторга и счастья: «Непередаваемый *аромат* зелени и весны наполнил все вокруг, и я был готов заплакать от того неописуемого счастья, которое владело моим сердцем» [Бай Кайго 2002: 264]; пробуждают новые, еще не изведенные чувства: «И сердце ее // *Душистой весной* полно» [«Хрестоматия...» 2004: 225]; эти чувства захватывают: «*Вся слива в цвету, // Опьяняет ее аромат*» [«Китайская...» 1984: 177]; такая неожиданно нахлынувшая буря чувств пугает: «Весенним днем // На берегу покатом // Цветы переплелись // Сплошную чашей. // Шатаюсь, // *Опьяненный ароматом*, // Поистине, // Боюсь весны пьянящей» [Ду Фу 2000: 183].

Влюбленная девушка «*душистые ветки срывает морозной порой*» [«Китайская...» 1984: 40], чтобы послать в знак любви милому ее сердцу другу: «*Душистую веточку мэй сорвала я – // Хотела послать ее милому в дар*» [«Китайская...» 1984: 165].

Аромат нарцисса доставляет радость, отгоняет тяжелые мысли:

«Мой любимый цветок – нарцисс: *его небесный чистый аромат* развеивает мрачные думы и вселяет радость» [«Сон...» 1982: 521-523].

Однако весна с *запахами цветов* может стать и знаком «разлучника»:

«В прошлом году мы сошлись и расстались // в пору *душистых цветов*» [«Чистый поток» 2001: 150].

Давно забытая любовь связывается с *запахом* хризантем, а печаль – с черным виноградом:

«Старые, большие чувства // Тешит *запах* хризантем; // А печали без названья // Тешит черный виноград...» [«Классическая поэзия ...» 1977: 461].

Ароматный белый ирис – символ тоски по безвременно ушедшему любимому:

«Они в Цаньу // оплакивали мужа, // Где ирис белый // льет свой *аромат*» [«Чистый поток» 2001: 141].

Запах трав будит воспоминания о доме:

«*Травы пахнут* – тоска по дому//и сердце, как ночь, темна» [«Классическая поэзия ...» 1977: 445].

Запах ассоциативен. Ничто так полно не воскрешает прошлого, как *запах*, когда-то связанный с ним:

«*Чудесный аромат*, который исходил от тебя, напомнил мне это древнее предание» [«Хрестоматия...» 2004: 574].

В корейском и китайском языках существует много речений фразеологического характера (далее РФХ), которые так или иначе связаны с *ароматом*, большинство из них отождествляется с сексуальными отношениями: *вкусить аромат* [Би Сяошен 1992: 104]; *вкусить аромат Небес*; *вкусить аромат мэйхуа*; *украсть яшму и умыкнуть аромат* [Ли Юй 1995: 478; 383; 36]; *сорвать ароматный цветок* [«Сон...» 1982: 702]; *похититель ароматов* [Би Сяошен 1992: 124].

Толкования РФХ содержатся в тексте и находятся в постпозиции по отношению к самому речению:

«Цзи-син был очарован кротостью и красотой гетеры, любовное томление овладело им. Когда было уже далеко за полночь, он привлек к себе драгоценную яшму и *сорвал ароматный цветок* – и была радость любовных игр, и было упоение красотой, и была сладость нежных объятий, пока не запели петухи и не наступило утро» («Сон...» 1982: 702); «Прошу господина Юэшэна посетить вместе с нами гнездышко девиц,

как говорится в таких случаях, “*вкусить аромат*”, предавшись любовной радости» [Би Сяошен 1992: 104].

Толкование РФХ *вкусить аромат Небес* – ‘узнать любовь знатной дамы’ отмечено в препозиции по отношению к самому речению:

«Жалкий ученый, я прожил жизнь настоящего бедолаги. Мне не удалось познакомиться с какой-нибудь знаменитой красавицей, то есть, как говорится, «*вкусить аромат Небес*». На своем пути я обычно встречал грубых и малоулыбчивых женщин...» [Ли Юй 1995: 478].

Вкусить аромат мэйхуа – ‘узнать любовь красавицы-служанки’:

«Раз не суждено мне соединиться с девицей Вэй, попытаюсь “*вкусить аромат мэйхуа*”. Прошу тебя, поговори с хозяином. Пусть отдаст за меня служанку...» [Ли Юй 1995: 383].

Этимологию этого образного названия служанок находим в художественной литературе:

«Издавна «*ароматом мэйхуа*» – «*мэйсян*» – называли служанку. Людям не очень серьезным такое прозвание казалось весьма изысканным. Они, видимо, не знали, что в древности это выражение имело иной смысл. Цветок “*мэй*” означал “младшая сестра”, а “*аромат*” – “сян” – душевное стремление. И еще говорилось: “Когда разливается *аромат цветка мэй*, весенние чувства бушуют, ибо сей *аромат* привлекает шмелей”. Итак, цветок как бы таит в себе весенние чувства, а шмель вьется вокруг цветка. Чувства рвутся наружу, а шмель норовит пробраться внутрь. В какой-то миг они встречаются. Вот почему важно проникнуть в суть всего выражения и каждого его слова в отдельности, чтобы со всей решительностью преградить путь к праздному легкомыслию. И наоборот, если не поймешь выражение до конца, могут возникнуть разные неприятности: падет тень на чье-то честное имя, а “*аромат*” служанки превратится в “*смад*” ее хозяйки. Разве не в этом смысл названных слов?» [Ли Юй 1995: 371-372].

Дальневосточный любвеобильный мужчина, ловелас – *ветротекучий* или *похититель ароматов*:

«В сердце каждой заползла ревность. Яонян не сдержалась: – Старшая сестрица! А ты видела, как эта Мю приторговывает себе красавчика? Только что, подавая бокал старшему брату, она коснулась его запястья! А он-то какой бесстыдник! Истинный “*похититель ароматов*”!» [Би Сяошен 1992: 124].

Украсть аромат и своровать нефрит (яшму) – образ запретной любовной связи, тайного свидания [Ли Юй 1995: 536]:

«Вы, как я поняла, принадлежите к кругу “ветротекучих”, а они частенько позволяют себе всякие вольности, например, “*крадут ароматы и воруют нефрит*”. Так вот вы должны прекратить всякие связи с певичками» [Ли Юй 1995: 397].

Аромат часто используется и в других иносказательных выражениях, обозначающих любовные отношения:

«Странно, во флигеле нет ничего ценного – зачем бы лезть туда вору? – *Бабочка летит к цветку, потому что он издает аромат*. Разве одни шелка да драгоценности прельщают мужчин?!» [«Сон...» 1982: 145]; «Когда они наконец вышли в залу, то сели рядом – не могли расстаться друг с другом хотя бы на минуту. Скажем сразу, с самой ночи весь день они были вместе: лежали ли на изголовье, *смешивая аромат киновари с благоуханием коричневого дерева*, или сидели за столом» [Би Сяошен 1992: 137].

Профессиональные запахи

Запахами в художественной литературе Дальнего Востока определяется профессиональная деятельность героев произведений. Деятельность дальневосточного аптекаря характеризует *запах* женьшеня: «От отчаяния и крепкого *аромата* женьшеня у меня заслезились глаза...» [Бай Кайго 2002: 167], а также *запах* корня силы: «Ли Као положил корень силы в пузырек с подслащенной водой и поставил на слабый огонь... Удивительно свежий и острый *запах* наполнил комнату, будто в горном лесу после дождя» [Там же: 92]; врача – *запах* чистого халата: «Сняв шарф и пальто, надела накрахмаленный и тщательно отутюженный халат и шапочку. *От свежего запаха*, исходившего от халата, она почувствовала себя бодрее» [Ким Джэгу 1985: 71]; в больничной лаборатории доминирует *запах* креозола: «В лаборатории, пропитанной *запахом* креозола, был один Чо Гёнгу» [Там же: 165]; у виноделов преобладают *ароматы* разных сортов вина: «И вы, слабаки называете эту мочу вином? Да у нас в Сучжоу мы делаем такое вино, что вы *понюхаете* – и свалитесь с ног! – орал он... – Вероятно, немногодохлых мух придадут букету особый *аромат*, – задумчиво произнес Одноглазый Вэн» [Бай Кайго 2002: 43]; у крестьян – *запахи* личинок шелкопряда: «Она поддерживала огонь в хижине и внезапно почувствовала какой-то странный *запах*. Заглянула за перегородку, где вили свои коконы шелкопряды...» [Там же: 19].

Запах дома

Традиционные дома Кореи и Китая отражают философию гармоничного сосуществования человека и природы. Эта гармония проявляется и во внутреннем оформлении жилья, и в строительных материалах, используемых для его сооружения. В образовании *запаха* дома участвует много факторов. Это *запах* материалов (дерево), тканей (шторы) и т. д. Некоторая информация содержится в художественной литературе:

«Ступеньки, что спускались вниз от башни, – *красного сандала*, оправлены червонным золотом»; «...были там и столбы *из коричневого дерева...*» [«Книга прозрений» 1997: 358; 419]; «Узорные *абрикосы* // Срубил и сделал стропила» [Ван Вэй 1959]; «Когда-то ханьский У-ди, потрясший Вселенную своей мощью, воздвиг террасу с балками *из кипариса*» [«Повесть о зайце» 1960: 289]; «Тут неподалеку он увидел трех пригожих девиц, которые играли в мяч в беседке, выстроенной *из душистого дерева алоэ*» [Би Сяошен 1992: 54].

Ароматизации домов на Дальнем Востоке придавали большое значение. *Благовонные палочки, ароматизированные свечи* были элементами домашнего декора, их имелось десятки сортов на все случаи жизни и на любое настроение. Курительные палочки изготавливались из сандалового дерева, кедра и различных *пахучих трав*. Они зажигались маленькими пучками (примерно 25 штук в пучке). Если же палочки зажигались не пучками, а по отдельности, то обычно их было не более трех. Их ставили в наполненную пеплом курильницу (по-китайски «сянлу» – «*ароматическая печь*») (см. [Сидихменов 2004: 71]). В качестве *благовоний* использовались также алоэ, мускус и амбра («драконова слюна»), получаемая из Аравии и считавшаяся самым дорогим *благовонием* (см. об этом [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 408]). Подтверждение находим в художественной литературе:

«Из дорогих курильниц струится нежный *аромат* алоэ и сандала» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 225]; «После чая она провела лекаря во внутреннюю комнату, где стоял стол со всевозможными яствами, а воздух был напоен *ароматом* мускуса и орхидей» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 193]; «В жаровнях фигурный уголь тлеет, *аромат* «драконову слюну» струят курильницы» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 57].

Известный писатель XVII века Дун Юэ прославился созданием необыкновенных «бездымных *благовоний*». Его *благовония* были легки и едва ощутимы, в них как бы «сошлись *ароматы* деревьев и трав всего мироздания». Они обладали «*ароматом*, возбуждающим духовные силы», который можно назвать «*ароматом* тысячи гармоний», в нем содержатся превращения всех тысяч и десятков тысяч *запахов*, как в триграммах «Книги Перемен» содержатся все превращения мироздания [«Мудрость...» 2003: 450-452]. В «Книге *благовоний*» писателя подробно описываются удовольствия, которые можно получить, воскуривая эти *благовония*:

«Воскуриваешь сосновые иглы: словно чистый ветерок овеивает тебя, словно слышишь немолчное журчание вод, словно муж возвышенный с яшмовым жезлом в руках день напролет не ведает усталости... Воскуриваешь цветы орхидей: словно читаешь “Книгу рек” и душой уносишься далеко-далеко. Воскуриваешь хризантемы: словно вступаешь в древний храм, шагая по опавшим листьям, и в душе звучит возвышенный мотив.

Воскуриваешь сливовый *аромат*: словно видишь перед собой древние бронзовые сосуды, от времени потемневшие и покрытые старинными письменами... Воскуриваешь цветы лотоса: словно слушаешь шум дождя у бумажного окошка, и чувства теснятся в сердце... Воскуриваешь жасмин: словно в дождливый день появляется радуга и рассеивается туманная дымка, и картину такую, поистине, ни на день невозможно забыть» [«Мудрость...» 2003: 450-452].

Считалось, что человек с хорошим вкусом должен был иметь перед кроватью туалетный столик с карликовым деревцем и *благовониями* (см. об этом [«Мудрость...» 2003: 430]).

Атмосфера жилья была также насыщена растительными *ароматами*. Весь год в зависимости от сезона вдоль стен домов расставляли вазы с различными цветами:

«В медных треножниках воскуривают *аромат*. В вазах золотых цветы *благоухают*» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 123].

Жизненное пространство состоятельных людей на Дальнем Востоке было четко организовано. Каждая комната обладала своим особым *запахом*. Применение находила древесина дикорастущего мускатного дерева с острова Чеджу, из которой делали высоко ценившуюся мебель и от которой исходил освежающий *аромат* (см. ИС: http://archive.travel.ru/south_korea/84778.html). В мужской половине дома, например, *благовониями* пропитывали камни, которые становились частью интерьера. Ими украшали столы ученых, некоторые использовались в качестве подставок для курильниц. Первое место среди таких декоративных камней для интерьера минские антиквары неизменно отводили камням с гор Линсби в провинции Аньхой – прочным, причудливой формы, испещренным, словно яшма, издававшим, если ударить по ним палочкой, «чистое звучание» и к тому же впитывавшим в себя *ароматы благовоний* (см. об этом [«Мудрость...» 2003: 435]). На столе неизменно присутствовали «четыре сокровища кабинета ученого»: тушечницы, кисти, различные сорта туши и бумага, краски и т. п., которые использовали корейские и китайские каллиграфы, художники и ученые в своей работе. В тушь нередко добавлялись *ароматические вещества*. Это нашло отражение в художественной литературе:

«Ко Джук покрутил головой, озираясь; воздух комнаты ответил на это незначительное движение легкими волнами *запаха ароматической туши*. Так, быть может, *пахли* сливовые сады в древности?» [«Золотая...» 1994: 11].

В Китае существовали и изысканные сорта бумаги – например, *ароматная бумага* из сандаловой коры (см. об этом [Малявин 2000: 372]) или листьев коричневого дерева:

«Не успел он закончить трапезу, как дева написала на бумаге из листьев коричневого дерева стихи, созвучные по настроению стихам молодого человека» [Ким Си Сып 1972: 62].

Китайцы даже деньги печатали на пропитанном ароматами шелке (см. [Жирицкая 2003: 487]).

В обиходе чиновника, да и людей других социальных кругов существенное значение имел веер. Им закрывались от солнечных лучей, отгоняли мух и комаров, создавали прохладу. Особенно славились веера из сандалового дерева, отличавшиеся своеобразным ароматом. (см. [Сидихменов 2000: 299]).

Тонкий аромат табака – один из ярких запахов, ассоциирующихся с миром дальневосточного мужчины:

«Попыхивая табаком, юноша окинул взором комнату» [«Корейские повести» 1954: 91].

Покой китайской императрицы и знатных женщин называли «перечными». Это проистекало из обычая натирать их стены душистым перцем. Кора перечного дерева использовалась в Китае для приготовления благовоний и, кроме того, наделялась особыми целительными и магическими (охранительными) свойствами [«Хрестоматия...» 2004: 742; 664]. В покоях у обычных женщин (задняя, женская половина дома), а также женской спальне, «разнообразные благовония и курения также употреблялись особенно щедро» [«Китайская...» 1984, коммент.], поэтому они и получили название «благоухающих» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 98]:

«Ай-юэ сразу покорила Симыня и увела его, захмелевшего, к себе в спальню, где ярко горели свечи, в окно светила луна, а воздух был напоен ароматом мускуса и орхидей» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 204]; «Ее покои наполнял только аромат благовоний...» [Малявин 2000: 547].

Аромат сливы из сада проникает в спальню:

«Сон, влюбленных согрешивший, очень короток был... // Запах сливы цветущий к ним за полог поплыл» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 197].

Кровать тоже благоухает:

«Они выпили чаю и легли в благоухающую ароматами постель...» [Там же: 230].

Для создания аромата над кроватью развешивали ароматические шарики:

«Сверху с навеса ниспадал красный шелковый полог, в который была продета парчовая лента, поддерживаемая серебряными крючками. Развешанные повсюду ароматичные шарики наполняли ложе благоуханием» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 310-311].

В корейском языке существовало РФХ *служить у подушки за благоуханным пологом*, имеющее значение 'стать возлюбленной или женой':

«Прослышав о достоинствах государя, я надеюсь *предложить себя в услужение у подушки за благоуханным пологом*. Прошу государя принять меня!» [Троцевич 2004: 263].

Предметы домашнего обихода

В дальневосточной литературе источают *запахи* не только растения (цветы, деревья, кустарники), но и неодушевленные предметы, будто бы и *запаха* не имеющие. Так, из сандала, мандаринового дерева, утуна, а также бамбука, грушевого дерева и магнолии изготавливали различную домашнюю утварь:

«И сандаловое блюдо // для еды вполне годится: // Хорошо для *обонянья* // пищу жирную вкушать. // Но особенно приятно – // и для носа, и для уст – // Мандариновое блюдо, // что из дерева Дунтин!» [Сон Хён 1994: 48]; «Здесь и...кувшин, вырезанный из древесины утуна...» [«Верная Чхун Хян» 1960: 59]; «...кувшин из бамбука с берегов Сяосяна и Дунтина...» [«Верная Чхунхян 1960: 60]; «Разбойники плавают в лодках из грушевого дерева и гребут веслами из магнолии...» [«История цветов» 1991: 318].

Повозка семи ароматов – образное название экипажа супруги сновника:

«Какое я счастье готовлю Ин-ин! // Вручу ей *повозку семи ароматов*, // указ, утверждающий чин» [«Хрестоматия...» 2004: 749; 646].

«Съедобные» ноты аромата

Запахи еды являются в дальневосточной традиции наиболее привлекательными по сравнению с *запахами* духов, так как в Корее и Китае существует своеобразный культ еды. Пищевые *запахи* составляют достаточно большую группу. Кухню Китая и Кореи характеризуют довольно специфические, яркие и сильные *ароматы* различных экзотических, с точки зрения русского человека, блюд национальной кухни, соусов, приправ и пряностей. В дальневосточной литературе подробно описывается меню каждого приема пищи. В этих описаниях особое место отводится *запаху* национальных блюд. Пищевые *запахи* для героев связаны, как правило, с приятными чувствами. *Запах* еды присутствует в любом доме. Едой *пахнет* в жилище бедных людей:

«В раскаленном чаду *пахло* свежей кимчи. Видимо, от удара чем-то тяжелым разбило нагретый глиняный кувшин с кимчи» [«Море крови» 1975: 89].

Особой роскошью разнообразных *запахов* отличалось меню в богатых домах. Среди часто встречающихся *запах* «желтого *ароматного лука*» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 222-223]; «Полакомившись горячими пирожками со свиной и *ароматным луком*... Ван с Симынем напра-

вились к кану» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 265]; *запахи* чеснока, имбиря и других приправ и пряностей: «Она поскребла как следует свиную голову, потом ножки, вымыла их, положила в котел, а затем добавила туда чашку соевого соуса, тмина и других пряностей... Хуэй-лянь выложила кушанье на блюдо, поставила его в большой короб, туда же поместила тарелочки с имбирем и чесноком и велела слуге отнести все это к Пин-эр» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 239; 251-252].

Большое внимание уделяется описанию соусов, их много и у каждого свой *аромат*: «коричный соус» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 295]; «*ароматный соус* из баклажанов, соя, подливки *из душистого перца* и подслащенного чеснока, а также три блюда чесночного соуса»; «*ароматный мандариновый соус*; «*соус из ароматной тыквы и баклажанов*» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 113; 62; 167] и др.

Отмечены *запахи* мясных и рыбных блюд, а также блюд, приготовленных из птицы: «Не прошло и часа, как мясо стало мягким и нежным. Оно так *вкусно пахло*, что слюнки потекли»; «Сперва подали <...> четыре блюда: свежие утиные яйца, золотистых креветок с причудливо изогнутыми огурцами, *ароматное жаркое* и вареных на пару жирных кур. Немного позднее снова подали четыре блюда: жареную утку, окорок, жареную свинину и почки. Наконец, на узорном фарфоровом блюде вынесли залитых красным маринадом, *аппетитно пахнущих пузанков*» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 251-252; 351]. Встречаются упоминания о блюдах из экзотических животных и птиц: «Жареный феникс, вареный дракон // жиром нефритовым плачут; // Шелковый полог, расшитый шатер, // *ветер душистый* кругом» [«Чистый поток» 2001: 237].

Основное блюдо для народов Дальнего Востока рис тоже имеет свой *аромат*:

«... два крапленных серебром блюда белого мягкого и *душистого риса* и две пары палочек из слоновой кости» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 222-223].

На десерт «в нос окружающим ударил *аромат*, по столу покатались персики, виноград, арбузы...» [«Повесть о Чон У Чхи» 1960: 255], также подавали «... красные финики, каштаны, земляной орех, водяной орех и *ароматный батат*» [«Хрестоматия...» 2004: 573], печенье «круглое, как луна, тонкое, как лист бумаги, белое, как снег, *ароматное* и сладкое, которое называлось печеньем взаимного счастья...» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 149-150] и пирог: «Что может быть лучше горячего пирога? // Он мягок, как дно ручья, // Он белее беленой шерсти, // От него поднимается *густой аромат* // И летит на улицу, уносимый ветром» [«Книга Дракона» 2002: 140].

Напитки

Дальневосточная культура отмечена *запахами* дорогих вин:

«*Благоухают ароматом* дорогие вина» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 316].

Большое внимание в дальневосточной литературе уделяется описанию чаев. Однако вместо собственно чая в нашем понимании корейцы пьют разнообразные отвары и настойки. Из этих настоек наиболее популярны инсамчха (из женьшеня), ттаньконъчха (из арахиса), сэнганчха (из имбиря), кйепхичха (из корицы) ючжачха (разведенный кипятком густой цитрусовый сироп) (см. об этом [Ланьков 2000: 165-166]).

В чае, как и в вине, ценится *аромат*:

«... Симынь вынул из рукава платок, зубочистку, коробку *душистого чая* и отдал их Гуй-цзе» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 133].

Аромат чая зависит от времени сбора чайного листа. Вовремя собранный чай доставит удовольствие любому, так как *аромат* этого бодрящего напитка, отличается «почти бесконечным разнообразием оттенков...» [Малявин 2000: 555]:

«Ласкал кусты весенний ветерок – // И вот он, чайный маленький листок. // Сорвешь его чуть позже – примечай: // Достоинства свои утратил лист; // А вовремя сорвешь, заваришь чай – // Напиток *удивительно душист*. // И пьяному он радость, а не блажь, // И трезвому вкуснее чая нет...» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 138].

Правила заваривания чая были разработаны и описаны Сюй Цзэшу в книге «Наставлении о чае», датированном XVI веком:

«Воду в чайник не следует заливать более двух раз. В первый раз чай будет иметь изысканно свежий *аромат*, во второй раз – *аромат* нежный и чистый, на третий же раз чай утратит свой вкус» (см. об этом [«Мудрость...» 2003: 441]).

Ароматическое средство авэй добавляли в чай, *туевый корень* подсыпали для *аромата* в огонь, на котором кипятили воду для чая:

«Затихшая келья, // *печатки сандаловой* дым; // Глубоко в печи // железный кувшин накаленный. // Я *снадобье авэй* // в согревшийся чай подмешал; // Я *туевый корень* // подсыпал в огонь *благовоновый*» [«Чистый поток» 2001: 280; 279].

Заваривали чай с различными добавками:

«На расписанном золотом красном подносе слуга принес две чашки густо заваренного чая с примесью бобов и корицы для *аромата*» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 158]; «Чай заварили с ростками бамбука, кунжутном и корицей. *Аромат* был до того *густой*, что хоть в пригоршню его собирай»; «По комнате разнесся *пряный аромат* заваренного с орехом чая» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 138; 176].

Заметим, что русский человек вряд ли найдет *запахи* сваренных бобов и ростков бамбука *ароматными*.

Запахи пространства вокруг дома

Запахи – знаки пространства. В дальневосточной литературе встречается описание некоего «обобщенного» *аромата* пространства, территории, непосредственно примыкающей к дому, например, двора:

«Ночную свежестью, прохладой // здесь наслаждаюсь я одна. // Двор полон *ароматов*, неяркий свет струит луна» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 233].

Отмечены случаи, когда речь идет об «обобщенном» *аромате*, а сами растения предстают во всем их конкретном многообразии. Такое соотношение обобщенных обонятельных и конкретных зрительных впечатлений встречается в описании корейского пейзажного сада весной, где «воздух напоен *ароматом*» [«Сон...» 1982: 518]:

«Здесь пышно распускались *пионы, китайские розы, орхидеи и гардении; цвели мандарины, цитроны, персики, вишни, яблони и сливы; радовали взгляд красавицы хризантемы, тизанги и рододендроны*» [«Корейские повести» 1954: 88].

Деревня наиболее чувствительна к более «прозаическим» *запахам*:

«А над деревней пряный *аромат* // От коконов, распаренных в котле» [«Китайская...» 1984: 146]; «Из чьей шелковарни по всей округе // *запахи* потекли?» [«Облачная обитель» 2000: 89]; «А когда в другой раз я вернулся на это же место, заметил, что *креветки* и какие-то *пахнущие червячки-многоножки* перемешались между собой, беспорядочно кружатся в воде» [Сон Хён 1994: 72].

Как известно, дорога является одним из существенных аспектов характеристики художественного пространства. В дальневосточной литературе пыль и песок на дорогах *благоухают*, однако чем они *пахнут* русскоязычному читателю остается лишь гадать:

«Даже пыль на дорогах источает *благоухание*»; «Два лотоса золотых – две ножки – ступают мягко, будто по нежному и *ароматному песку*» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 327; Т.1, 1998: 44].

Горы – это тоже часть пространства, где построил свой дом и живет человек. В художественной литературе горы – «*ароматический*» образ:

«Прозрачный, тихий воздух гор напоен был *ароматом*» [«Гуляка и волшебник» 1970: 326].

Для гор характерна обширная коллекция *запахов*:

«Горы пропитаны *пряным духом* коричневого дерева, горы *благоухают* сандалом...» [«Сказание о Чхуньян» 2003: 22]; «Есть в долине горной орхидея, // естественно хорош ее *аромат*» [Троцевич 1994: 113]; «Бирюзовые горы вдали. //<...> *запах* горных пионов» [«Китайская...» 1984: 110].

Зимой чувствительность к *запахам* умирания проявляется в том, что *ароматы* свежей травы и цветов сменяются *запахом* сухой травы:

«В первый день нового года <...> дети набирают сухой травы и сжигают ее на огородах или в садах» [Сон Хён 1994: 54].

Запахи – знаки времен года

Запахи участвуют в моделировании времени в пределах года. Они характеризуют времена года. Зимой, например, связывают с *запахами* цветущей камелии, созревших мандаринов и цветами дикой сливы (кор. мэхва, кит. мэй-хуа), которая цветет зимой или очень ранней весной, когда кругом снег, в первом месяце лунного календаря и которая «не только красива, но и расцветает раньше других, и *пахнет* необыкновенно» [«Сон...» 1982: 521-523]:

«... мандариновые деревья, с приходом зимы распространяющие изысканный *аромат*» [Малявин 2000: 334]; «Здесь, над звонким ручьем, // *Мэйхуа* расцвела... // *Ароматная, нежная...*» [«Китайская...» 1984: 169].

Весна – самое богатое по разнообразию *запахов*, описанных в дальневосточной литературе, время года. В это время цветут белые и фиолетовые магнолии, дикая вишня, а также красные и малиновые чхольчхук (багульник), чиндалле (рододендрон остроконечный) и др.:

«И внезапно *пахнуло* весной... // И повсюду в горах зацвела // белоснежная зимняя вишня» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 189]; «Здесь на пологих склонах, // *Кусты чхольчхук* расцветают» [«Бамбук в снегу» 1978: 258]; «У нас так много *чиндалле*, и все такие *пахучие*, что голова кружится» [Пак Ун Голь 1962: 29].

Середина весны – это период интенсивного цветения. На Дальнем Востоке это время характеризуют *запахи* различных цветов, цветущих деревьев и кустарников.

«Пьянящая картина персиков, пионов, сандалов и кориц!» [«История о верности Чхун Хян» 1960: 39].

Ива, орхидеи и розы также входят в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина весны, идеальное состояние природы в пору цветения:

«Стояла чудесная пора цветения ив – *благоуханная весна*» [«Верная Чхун Хян» 1974: 311]; «Весна! Красный *аромат* орхидеевых куп...» [Ли Бо 2000: 215]; «Дикая роза, // расту на заброшенном поле... // Дождь прошумит – // *аромат* свой подолгу храню» [Троцевич 2004: 258].

Дальневосточная литература оказывается наиболее внимательной к *запаху* цветущих трав:

«Цветущая пора зеленых теней и *благоуханных трав*!» [«История о верности Чхун Хян» 1960: 39].

Информация может конкретизироваться, раскрываются некоторые названия цветущих трав:

«Земля накрыла все ровнехонькой плитой, совком корзиночным рас-пространилась вширь. *Пахучие травы* растут на ней сетью сплошною... Другие травы – цинцюань, шэгань, цзечэ – растут, как поросль сорняка, а тонкие, нежные-нежные травы протянуты длинными нитями всюду, милы-милы. От них идущий *аромат* плывет над прочим всем глубок...» [«Классическая проза ...» 2002: 21].

Цветущий рис – элемент идеальной картины деревенской жизни в весеннюю пору:

«Иногда по дорожкам вдоль нивы брожу, // где цветущий рис *духовит*» [«Классическая поэзия...» 1977: 470].

Поздней весной еще цветут цветы:

«Стояла поздняя весна, *благоухали* цветы» [Ким Ман Чжун 1961: 250], но *ароматы* становятся менее интенсивными: «Хлопочут стрижи, // *ароматы* угасли весны» [«Китайская...» 1984: 250].

У лета свои *ароматы*. В летнюю пору доминирует *запах* цветущего лотоса:

«Тени плакучих ив лежали на перилах, над прудом, поросшим лото-сами, плыло *благоухание* цветов» [«Скитания...» 1960: 338].

Запах созревающего перца также определяет палитру *ароматов* ле-та:

«Повсюду *благовонный перец* рос...» [«Хрестоматия...» 2004: 66].

Осень, как и другие времена года, имеет свои *запахи*:

«Это – *осень душистая* // во дворце на холодной луне» [«Китайская...» 1984: 239].

Однако осень в дальневосточной литературе не так *ароматна*, как весна, хотя ее *запахи* по-своему привлекательны:

«Да, я в вкусил в деревне родной // *аромат* осенних садов» [«Клас-сическая поэзия...» 1977: 470]; «Что ни день – доносится с западным ветром // увядающих трав *аромат*» [«Корейская...» 1956: 86; 452].

Осенью преобладает *запах* хризантем. На Дальнем Востоке хризан-тема – символ этого времени года, может выступать как символ стойко-сти, неподвластности обстоятельствам, обычно она противостоит непо-годе, наделена постоянством, неизменностью (см. об этом [Никитина 1994: 236]). Это, возможно, и явилось причиной, по которой в дальнево-сточной литературе *запах* этого цветка определяется как холодный:

«Не опирается [хризантема] на весеннюю силу, // а полагается на осенний свет. // Встарь писали, что холодный *аромат* // не боится инея» [Жданова 1997: 91].

Запахи – знаки времени

Запахи также участвуют в моделировании времени в пределах суток. Заметим, что *запахи* различных цветов сопровождают любое время суток и являются как бы «сквозным» образом. Так, ранним весенним

утром можно насладиться *запахами* цветов: «Алеют цветы на ветках, куда ни глянь, // Роса *аромат* их нежный вокруг сгущает» [Ли Юй 1995: 139]. В полдень можно почувствовать не только *запахи* цветов, но и *ароматы* конопли и горькой полыни: «Был полдень. В зарослях завели свои песни цикады. Налетел ветерок и принес *аромат* цветов» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 309]; «Полдненное солнце печет всюю//свежа конопля и тут // *Благовонные запахи* горькой полыни//в теплом ветре плывут» [«Облачная обитель» 2000: 92]. Ночи отмечены как *запахами* цветов: «... ночь в начале весны. // Чистый и сильный *запах* цветов...» [Там же: 88], так и *запахами* моря: «Ночи *пахнут* морем» [«Китайская...» 1984: 225], а также бананов: «Впрок банану солнечные дни. // Сладко *пахнет* он в ночной тени» (цит. по: [Жданова 1998: 121]).

Аромат стихий. Запах ветра

Нередко эфирность и эфемерность *запаха* словно возводится в квадрат: ибо *пахнет* то, что уже само по себе является эфиром – воздух: «*Ароматный, свежий, зеленоватый морской воздух*» [Ли Бо 2000: 219]; «Воздух в спальне был напоен дурманящим *ароматом*» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 253]; ветер: «Кувшинки собираю // под яркой луной, // *Душистый ветер* манит // в заоблачный простор» [«Китайская...» 1984: 43].

Ветер приносит с собой различные растительные *запахи*:

«От лотосов ветер // приносит *душистый запах*» [«Хрестоматия...» 2004: 232]; «Все в цвету хризантемы // у дороги сияют-стоят. // Ветер донес до меня // их пленительный *аромат*»; «Порывы ветра ко мне доносят // сосновых игл *аромат*» [«Облачная обитель» 2000: 217; 194]; «И тогда этот ветер-мужчина становится чист и прохладен... Разгуливает то там, то здесь среди *кассий* и *перцев душистых*; летает, порхает по бурной поверхности вод... Облавою идет на купы орхидей, приникнет плотно к цинь иль к астре, накроет *свежий ряд магнолий*, захватит линию *душистых тополей*» [«Классическая проза ...» 2002: 11-12].

В разные времена года у ветра свои *ароматы*:

«Весенний ветер подобен *вину*, – писал Чан Чоу, – летний – *чаю*; осенний ветер *пахнет как дым*, а зимний – *горчица* или *имбирь*» [Бай Кайго 2002: 41].

Своим чистым и свежим *ароматом* ветер лечит больных и отрезвляет пьяных:

«А *ветер чистейший, свежайший*, струями холодными действующий, больных исцеляет и хмель разрушает» [«Классическая проза...» 2002: 12].

Ветер «национально-специфичен». В Китае, например, «ветерок, подметающий улицы Пекина, был чаем с *запахом дыма*, а также *ароматами* сливы, мака, пиона, платана, лотоса, нарцисса, орхидей и диких

роз, сладких листьев банана и бамбука. Но также здесь *пахло* потом, свиным салом и прокисшим вином, как и всеми теми людьми, коих было, наверное, больше, чем во всех других городах, вместе взятых» [Бай Кайго 2002: 41]. А Сеул, по данным неофициального опроса корейских студентов и студентов из России, изучающих корейский язык в Республике Корея, «пахнет» цветами, различающимися в зависимости от времени года, блюдами корейской традиционной кухни (в качестве основных выделяются *запахи* красного перца, соевого соуса, перемешанного с *запахом* риса, *запахи* жареного кальмара, осьминога, *кислые* и *острые запахи* традиционных корейских солений кимчи, а также *запахи* пондэги (жареных личинок тутового шелкопряда), супов из бобовой пасты (чхонкукчан и двенджанттиге), обладающих очень сильными и не очень приятными для «европейского» носа *запахами*. Среди других были отмечены *запах* загазованности сеульских улиц, а также *ароматы* столичных туалетов (последнее было особо и с удовольствием отмечено нашими соотечественниками).

Запахи традиций

Применение *ароматов* на Дальнем Востоке связано с религиозной практикой буддизма. Во многих восточных культурах *запахи* выступали как непременная часть магических и религиозных ритуалов. Отшельники-даосы носили *ароматизированные шапочки*, чтобы оградить себя от суетного мира. Тибетские монахи зажигали перед медитацией сандаловые палочки, чтобы сила, хранимая деревом, помогла очиститься сознанию (см. [Жирицкая 2003: 485-486]). *Запах* был символом преодоления. Его способность проникать сквозь закрытые двери обретала символический смысл пересечения границы, перехода в новое состояние. Поэтому *ароматы* сопровождали ритуалы рождения и смерти, свадьбы и посвящения в воины.

Считалось, что рождение уникальных личностей сопровождается появлением необыкновенного *аромата*. Подтверждение находим в корейской литературе:

«Внезапно в воздухе разнесся благоуханный *аромат*, комната окуталась разноцветными облаками, и в этой необычной обстановке на свет появилась чудесная девочка, подобная фее» [«История о верности Чхун Хян» 1960: 183].

Благовония использовались при проведении благодарственного молебна по случаю рождения ребенка: «Юэ-нян не мешкая сообщила Симыню радостную весть, и он, тщательно вымыв руки, возжег *благовония* перед алтарем Неба, Земли и предков, дав обед заказать благодарственный молебен о здравии матери и младенца, о благополучном разрешении от бремени и о счастье новорожденного и принести сто двадцать жертв» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 321], на поминках по усопшему, а

также во время различных праздников, когда совершались обряды жертвоприношения в честь верховного небесного правителя и других высших божеств, небесных светил: «На столе появились всевозможные яства: подносы с засахаренными фруктами, чашки с отварным рисом, бумажные слитки золота и серебра, куски атласа и узорных шелков, жертвенная бумага, свечи и *благовония*» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 175].

В пятнадцатый день седьмой луны, день поминовения умерших буддийские монахи готовят уранбун – «блюдо *благоухания*»:

«Пятнадцатый день седьмой луны <...> буддийские монахи собирают всевозможные цветы и фрукты, приготавливают блюдо уранбун – “блюдо *благоухания*”» [Сон Хён 1994: 101; 56].

Традиция зажигать *благовония* отражена и в поговорке:

«Ведь как бывает: один боится *благовония* зажечь – мол, дым пойдет, другой пожар устроит – ему все с рук сойдет» [«Цветы сливы...» Т.2, 1998: 304].

Ароматы-врачеватели

«*Запах* – это непременно лекарство», – говорили древние китайцы. Они были искусными знатоками *ароматической медицины*. Древнейшая медицинская энциклопедия «Книга лекарственных средств» содержит сотни рецептов, как использовать *ароматические растения* при лечении [Жирицкая 2003: 487]. Большинство лечебных средств восточной медицины имеет характерные *запахи*. *Запахи* травяных отваров (корейск. ханьяк), прижиганий порошком из полыни (корейск. ттым), которые считаются воплощением чистого ян в растительном мире, распространяются из аптек, восточных поликлиник и маленьких предприятий, занимающихся изготовлением этих препаратов.

Аромат исцеляет:

«Когда Чхансир вернулась в село, почти все жители были уже в критическом положении. Она стала обходить дома сельчан, давая им понюхать *ароматный лунный цветок*. И произошло чудо. Больные вставали с постели один за другим» [«Предания гор Кымган» 1990: 36].

На Востоке корень женьшеня стоит на первом месте среди растений, наделяющихся в корейской и китайской ментальности совершенно исключительными свойствами, в течение столетий считалось, что лекарства, изготавливаемые из женьшеня, обладают «божественной способностью обеспечивать физическое и психическое равновесие». Немаловажное значение имеет *запах* этого чудодейственного корня:

«Я быстро забрался на гору сокровищ и вернулся с маленькой шкапулкой. Ли Као покрутил ее в руках так и этак, и когда наконец открыл крышку, я чуть не заплакал от счастья. Сильный *запах* женьшеня ударил мне в нос» [Бай Кайго 2002: 135].

Для лечения больных используют *благоволия*. В трактате Дун Юэ выделяются следующие целебные свойства *благоволий*:

«*Ароматы*, близкие к сладкому, поддерживают печень и подавляют селезенку. *Ароматы*, близкие к острому, поддерживают сердце и подавляют легкие. *Ароматы*, близкие к соленому, поддерживают селезенку и подавляют печень. *Ароматы*, близкие к горькому, поддерживают почки и подавляют сердце <...>. Когда в организме избыток жара, потребен *аромат* сосны, ибо сосновые иглы – это воплощение прохлады. А для того чтобы устранить избыточный холод в теле, нужно воскуривать корицу <...> необходимо воскуривать *благоволия*, чтобы восстановить гармонию энергии в теле. Чтобы укрепить ясность зрения, нужно воскуривать цветы лотоса. При болях в животе нужно воскуривать сосну и полынь. Чтобы улучшить обращение энергии в теле, нужно воскуривать цветы ивы. Чтобы снять утомление, нужно воскуривать мандариновые листья. При чрезмерном возбуждении нужно воскуривать цветы сливы. Чтобы прекратить истечение энергии вовне, нужно воскуривать белую орхидею. При болях в горле нужно воскуривать шиповник. При головной боли нужно воскуривать чайный лист. При отсутствии аппетита нужно воскуривать *сосну*. Чтобы снять усталость духа, нужно воскуривать сандал. Чтобы устранить помрачение духа нужно воскуривать сливу» [«Мудрость...» 2003: 452-453].

Неприятные запахи

К неприятным *запахам* в дальневосточной литературе следует отнести *запахи* гнилых овощей: «Жена отвечала ему: – По цвету и впрямь будто бы похоже на золото, да только что-то уж больно мерзкий *дух* идет из этой тыквы. С чего бы это?» [«Повесть о Хын Бу» 1960: 488]; мусора: «Крысы тарачились на нас жадными глазами, горы мусора перегнивали, пузырясь и источая жуткий *смад*...»; немытого человеческого тела: «Я услышал шаги и почувствовал мерзостный *запах*. Дверь в спальню распахнулась, и в комнату “вплыла” женщина. Пол трясся при каждом ее шаге, и, судя по всему, она весила не меньше пятисот цзиней (примерно 250 кг)... Одеяло слетело на пол, и *зловонная*, покрытая язвami *рука* ткнула меня в пах» [Бай Кайго 2002: 42; 56-57]; ношеной обуви соперницы: «Эта потаскуха Хуэй-лянь повесилась, а ты хранил в ящичке для благоволий ее *вонючую туфлю*, будто драгоценность – извелся от тоски» [«Цветы сливы...» Т.1, 1998: 300]; некоторые *запахи* продуктов выделения: «В этом *провонявшем мочой* зале, где крутили два фильма подряд, на жесткой лавке я все-таки мог отвлечься»; «А когда я изрядно набрался, то принялся вновь мусолить осточертевшие мысли. Ближе к полуночи я, испуская *запах* хорошо созревшей хурмы, брел по переулку» [«Золотая...» 1994: 178; 283]; крови: «Я не в силах вынести *зловоние* льющейся крови, – ответил он» [«Восточная новелла» 1963: 17]; *запах*

разложения: «Берег Южного моря // пред моим распахнулся взором. // Павших воинов столько – не сочтешь, – что соломы в поле». // Даже волны морские // источают тления *запах...*» [«Облачная обитель» 2000: 228].

Пословицы, поговорки, афоризмы

Упоминания о разного рода *запахах* встречаются в пословицах: «Как говорится, *душистое* источает *аромат*, а *смердное* – *вонь!*» [Ли Юй 1995: 378]; «Но оленя выдает *запах* мускуса, а фэнчэнский меч – яркий блеск» [«Сон...» 1982: 116], а также афоризмах: «Непреходящий вкус таится *не в душистых винах*, а в горохе и воде. Печальные думы рождаются не в мертвой тишине, а среди звуков свирели и струн. Надобно знать: *густой аромат* не продержится долго. *Благоухание* того, что лишено *аромата*, – единственно подлинное» [«Афоризмы...» 2004: 220] и мн.др.

В таких речениях особенно отчетливо вырисовывается специфика языкового мышления двух народов – китайского и корейского, и специфические особенности их культур.

Итак, как показал анализ, дальневосточные переводные произведения представляют собой сокровищницу *обонятельных образов*. В художественном мире дальневосточных произведений *запахи* выполняют многообразные функции. *Запахи* сопровождают человека со дня рождения и до последних его дней. Они формируют жизненное пространство людей, будь то дом или сад, становятся частью портрета человека или описания его чувств, состояний. В индивидуально-образной системе дальневосточных произведений представления о *запахах* выступают как знаки времен года, времени суток. *Запахи* – знаки определенных традиций, ритуалов, предметов, некоторые из них входят в «набор» *запахов*, составляющих своеобразный мифологический код дальневосточных художественных произведений. Большую группу составляют пищевые *запахи*, различающиеся в зависимости от будней или праздников. *Ароматы* являются целителями. Феномен *запаха* национально-специфичен. Представители различных культур по-иному воспринимают один и тот же *запах*. Этому служит объяснением разный образ жизни, непохожий набор *запахов*, сопровождающих жизнь того или иного народа, различные нормы чувствительности и др.

Литература

- Ароматы и запахи в культуре. В двух книгах. М.: НЛЮ, 2003.
Афоризмы старого Китая. / Сост., пер. В. В. Малявина. М.: «Изд-во Астрель», «Изд-во Аст», 2004.
Бай Кайго. Тигр в лабиринте. М.: Изд-во «София», ИД «Гелиос», 2002.
Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – Вып. 36. – 124 с. ISBN 978-5-317-02619-6

- Би Сюшен.* Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
- Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Ван Вэй.* Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1958.
- Ванштейн О.* Грамматика ароматов // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. М.: НЛЮ, 2003. С. 5-12.
- Восточная новелла. М.: Изд-во восточн.литер., 1963.
- Григорьева О.Н.* Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2004.
- Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII-IX вв.). М.: Изд-во «Худож.литер.», 1970.
- Ду Фу.* Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Жданова Л.В.* Цвет в стихотворении Ли Кюбо «Воспеваю хризантемы» // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 2. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» 1997.
- Жданова Л.В.* Поэтическое творчество Чхэ Чхивона. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998.
- Жирицкая Е.* Ветер с Востока // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. М.: НЛЮ, 2003. С. 482-502.
- Жирицкая Е.* Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917-30-х гг. // Ароматы и запахи в культуре. Книга 2. М.: НЛЮ, 2003. С. 167-269.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- Золотая птица Гаруда. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ.литер., 1960.
- Ким Джэсю.* Счастье. Роман. М.: Радуга, 1985.
- Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
- Ким Си Сын.* Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Китайская пейзажная лирика III-IV вв.: стихи, поэмы, романсы, арии. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Классен К., Хоувс Д., Синнотт Э.* Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. М.: НЛЮ, 2003. С. 41-49.
- Классическая проза Китая. Минск: Харвест, 2002.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Книга Дракона. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002.
- Книга прозрений. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1956.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб: Изд-во «Лань», 1999.
- Кравцова М.Е.* Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Ланьков А.Н.* Корея: будни и праздники. М.: МО, 2000.
- Ли Бо.* Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Ли Юй.* Полуночник Вэйян. М.: Худож. литер., 1995.
- Люсьенн А. Рубен.* Запаховые сигналы и пространство праздника в Евразии // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. М.: НЛЮ, 2003. С. 168-180.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
- Малявин В.В.* Китай в XVI-XVII веках. Традиция и культура. М.: «Искусство», 1995.
- Малявин В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: ООО «Изд-во Астрель», 2003.
- Молодость в пути. Сб. рассказов. Перевод с корейск. М.: Изд-во иностр.литер., 1961.
- Море крови. Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр.яз. 1975.
- Мудрость китайского быта: Успех. Здоровье. Радость. Сост., пер. В.В. Малявина. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2003.
- Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Гл.ред. восточ. литер. 1982.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – Вып. 36. – 124 с. ISBN 978-5-317-02619-6

- Облачная обитель. Поэзия эпохи Сунн (X-XIII вв.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.
- Пак Ун Голь*. Отечество. Перевод с корейск. М.: Изд-во иностр.литер., 1962.
- Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян» М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 179-244.
- Повесть о том, что приключилось однажды с зайцем // История о верности Чхун Хян. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 288-322.
- Повесть о Чон Учхи // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 245-287 .
- Предания гор Кымгынсан. Пхеньян: Изд-ство литер. на иностр. яз., 1990.
- Повесть о девице Ок. Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 2. 1997. С. 44-67.
- Повесть о Хын Бу // История о верности Чхун Хян. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 408-490.
- Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
- Скитания госпожи Са по югу //История о верности Чхун Хян. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 323-407.
- Сказание о Чхунян. М.: «Бонфи», 2003.
- Семанов В.И.* Из наложниц в императрицы. М.: ИД «Муравей», 2000.
- Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
- Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. Минск: «Миринда», 2004.
- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
- Сон Хён.* Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып.5. С.25-109.
- Тань Аошун.* Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Из-во СПб. университета, 2004.
- Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004.
- Черепеховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Чистый поток. Поэзия эпохи Тан (VII-X вв.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.
- Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
- ИС (http://archive.travel.ru/south_korea/84778.html)